

А. Г. ЧЕВТАЕВ

ПОЛИТИКА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ДЕРЖАВ В БАССЕЙНЕ СРЕДИЗЕМНОГО МОРЯ (весна — лето 1940)

Вторжение гитлеровских войск в Бельгию, Голландию и Люксембург 10 мая 1940 г. и быстрое поражение Англии и Франции серьезно повлияли на расстановку военно-политических сил империалистических держав в бассейне Средиземного моря. Италия сделала окончательный выбор и стала воюющим союзником Германии. Испания сохранила нейтралитет, но заняла более враждебную позицию в отношении западных держав. Турция, вопреки обязательствам, отказалась выступить на стороне Англии и Франции. Решающими событиями для данного района стали распад англо-французского союза и подписание франко-германского перемирия. Это положило конец неоспоримой гегемонии западных держав в Средиземноморье и одновременно позволило гитлеровцам играть более важную роль в межимпериалистическом противоборстве в этом районе и фактически оспаривать претензии Италии стать новым его гегемоном.

Вопросы противоречий двух империалистических блоков и распада англо-французского союза летом 1940 г. привлекали внимание советских историков¹. Однако они рассматривались главным образом под углом зрения исхода борьбы в Западной Европе или же с точки зрения гибели Третьей республики. Средиземноморские аспекты этих проблем были затронуты в гораздо меньшей степени.

В зарубежной литературе соперничество империалистических держав в бассейне Средиземного моря освещается довольно обстоятельно, но с позиций буржуазной методологии. Заметно стремление затушевать или даже скрыть соглашательские тенденции британской политики в мае — июне 1940 г.²

¹ Л. П. Лавров. История одной капитуляции. М., 1964; Г. М. Ратианн. Конец Третьей республики. М., 1964; Д. М. Проэктор. Агрессия и катастрофа. М., 1972; В. А. Секистов. Война и политика. М., 1970; Г. С. Филатов. Крах итальянского фашизма. М., 1973.

² Д. ж. Батлер. Большая стратегия. Сентябрь 1939 — июнь 1941. М., 1959; С. Роскилл. Флот и война, т. 1. М., 1967; W. S. Churchill. The Second World War, vol. 2. L., 1949; P. Reynaud. La France a sauvé l'Europe, vol. 1, 2.

В данной статье на основе английских архивных документов и других источников исследуются некоторые вопросы империалистического соперничества Англии, Франции, Италии и Германии в бассейне Средиземного моря в рамках общего военно-политического противоборства западной коалиции и блока держав оси с апреля до начала июля 1940 г.³ Особое внимание уделено малоизученным сторонам отношений Англии с Италией на Балканах и в Восточном Средиземноморье с конца мая до конца июня 1940 г. После выхода Франции из войны именно сюда перемещается центр тяжести военно-политической борьбы империалистов. В связи с этим рассматривается политика западных держав, направленная на развязывание военного конфликта в этом районе, стремившаяся отвлечь Германию в Юго-Восточную Европу, чтобы избежать полного поражения Англии и Франции в Западной Европе. Кроме того, более обстоятельно вскрываются истоки распада англо-французского союза и стремление правительства Черчилля при поддержке США овладеть «наследством» Третьей республики в бассейне Средиземного моря — флотом и североафриканскими владениями Франции.

Весной 1940 г. обстановка в бассейне Средиземного моря определялась нейтралитетом Италии и сравнительно спокойной ситуацией на Балканах. В этих условиях западные союзники стремились использовать свои стратегические позиции в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке как плацдарм для развязывания военного конфликта, в который были бы втянуты Германия и Советский Союз. С конца марта 1940 г. правительства Англии и Франции стали наращивать в этом районе свои сухопутные, морские и воздушные силы. На англо-франко-турецкой конференции в Алеппо 15—20 марта западные державы заставили турок согласиться с посылкой в Турцию вначале специальных частей (артиллерия, танки, авиация), а затем двух британских и трех французских дивизий⁴.

Несмотря на острую потребность англичан в боевых судах в Северном море в связи с операциями в Норвегии, адмиралтейство решило значительно увеличить свой средиземноморский флот на случай начала войны в восточной части моря. Внешне эти меры

P., 1947; P. M. Bell. A Certain eventuality... Britain and the fall of France. L., 1974; I. S. O. Playfair. The Mediterranean and Middle East, vol. 1. L., 1954.

³ Данная статья проблемно и хронологически тесно связана с предыдущей статьей автора (А. Г. Чевтаев. Борьба Англии и США за французский флот. — В сб.: Международные отношения в новейшее время. Свердловск, 1972), а также с другими публикациями коллектива исследователей кафедры новой и новейшей истории Уральского университета.

⁴ PRO, CAB. 21/1180, 19/10/162, pt. 4. War Office to L. Hollis, 4. IV. 1940. Позднее в одном из меморандумов Форин Оффис признавалось, что англо-франко-турецкий договор 19 октября 1939 г., являвшийся основой большой стратегии западных союзников в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке, был «фактически, если не по замыслу, направлен в такой же мере против Советской России, как и против другой державы». — PRO, CAB. 66/41, WP(43)420, 27. IX. 1943.

вызваны «весьма опасными намерениями Муссолини»⁵. Но факт начала концентрации британских ВМС и ВВС за две-три недели до появления слухов о возможной итальянской агрессии против Югославии и Греции опровергает это утверждение. Далее, на упомянутой конференции в Алеппо возможность действий против Италии в случае германского продвижения на Балканы и в Восточное Средиземноморье даже не стояла на повестке дня. Наконец, несмотря на шумную кампанию в печати, итальянцы в своих стратегических планах пока не решались ставить задачу овладения Грецией⁶.

В конце апреля 1940 г. по инициативе французов союзники занялись вопросом о месте Крита в большой стратегии на ближайший период. Английское ближневосточное командование сообщило в Лондон, что оно согласно с Вейганом о превентивном размещении на острове союзных сил. Британский комитет начальников штабов вначале отнесся к этому сдержанно, ссылаясь на нехватку свободных сил и «не слишком угрожающую позицию Италии». Комитет не возражал против размещения там французских войск⁷.

Однако военный кабинет быстро внес изменение. 1 мая 1940 г., обсуждая общую ситуацию в Европе, он пришел к выводу, что, «если Германия будет отвлечена на Балканы, а союзники примут крупное воздушное наступление на Западе, маловероятно, чтобы она смогла развить серьезные усилия в Западной Европе одновременно с действиями на Балканах». Правительство предложило комитету начальников штабов рассмотреть вопрос о том, «не должны ли англичане активно помочь туркам в течение нескольких ближайших месяцев предотвратить захват немцами Константинополя и Проливов»⁸.

В конце апреля — начале мая 1940 г. итальянская угроза в южной части Балкан и Восточном Средиземноморье стала более серьезно учитываться в стратегических расчетах Лондона. 6 мая каирское командование получило согласие на превентивное овладение Критом английскими силами до начала военных действий с Италией⁹.

10 мая английские командующие на Ближнем Востоке обсуждали с Вейганом «турецкие и балканские дела» ввиду предстоящей встречи с военными лидерами Турции. Фактически речь шла о планах реализации той части большой стратегии союзников в Восточном Средиземноморье, которая включала подготовку

⁵ I. S. O. Playfair. *The Mediterranean...*, vol. 1, p. 82—83; A. B. Cunningham. *A Sailor's Odyssey. The autobiography*. L., 1951, p. 223—224.

⁶ PRO, CAB. 21/1180, 19/10/162, pt. 4; DDI, ser. 9, vol. 3, p. 576—578.

⁷ PRO, CAB. 80/10, COS(40)310(JP), 30. IV. 1940.

⁸ PRO, CAB. 65/7, WM(40)109Cs, 1. V. 1940.

⁹ При этом операцию следовало согласовать с Турцией, а затем с Грецией. — PRO, CAB. 80/10, COS(40)325(JP), 6. v. 1940.

англо-французских сил для отправки их в Турцию и закрепление западных держав в Эгейском море, в частности на Крите.

Военно-политические маневры союзников вокруг Крита были довольно сложными. С одной стороны, англичане почти впадали в панику, рисуя «катастрофические последствия» итальянской оккупации острова для союзных позиций в Турции и Эгейском море. С другой стороны, союзные стратеги 10 мая выделили для Крита всего один батальон пехоты «главным образом для укрепления морального духа греков»¹⁰.

Очевидно, это объясняется стремлением достичь двоякой цели в отношении Италии. Символическое вступление союзников на остров могло стать для итальянцев веским поводом к нанесению удара по Греции и тем самым отвлечь их от других целей в бассейне Средиземного моря. В то же время западные державы рассчитывали на то, что, если Италия свяжет себя в континентальной Греции, острова в Эгейском море, особенно Крит, останутся в их руках¹¹. Отсутствие у Рима наступательных планов в Эгейском море подтверждает обоснованность этих расчетов.

Таким образом, в целом большая стратегия западных союзников в восточном бассейне Средиземного моря весной 1940 г. предполагала развязывание в южной части Балкан военного конфликта, в который партнеры по оси были бы втянуты не столько как союзники, сколько как соперники.

Одновременно с повестки дня не были сняты планы нанесения воздушных ударов по советским нефтепромыслам на Кавказе и нарушения перевозок нефти по Черному морю¹². Правящие круги Англии и Франции видели в этом одно из важных средств обострения отношений между Германией и СССР вплоть до начала войны между ними.

Окончание «странной войны» в Западной Европе и прорыв линии фронта союзников в Арденнах в середине мая 1940 г. резко обострили отношения западных держав с Италией. Чтобы оказать сдерживающее влияние на Муссолини, Лондон и Париж попытались 13—14 мая добиться от Турции разрыва дипломатических отношений с Германией¹³, но безуспешно. Слухи о возможном вступлении Италии в войну заставили военно-политическое руководство Англии основательно обсудить вопросы стратегии и тактики относительно Италии.

¹⁰ PRO, CAB. 80/10, COS(40)345, 11. V. 1940. Любопытно, что захват Крита не входил в итальянские стратегические планы начального этапа войны.— См.: DDI, ser. 9, vol. 3, p. 577—578; R. Bernotti. La guerra sui mari. Nel conflitto mondiale 1939—1941. Livorno, 1956, p. 178—179.

¹¹ PRO, CAB. 80/10, COS(40)325(JP), 6. V. 1940.

¹² История второй мировой войны 1939—1945, т. 3. М., 1974, с. 46—47.

¹³ Ф. Гальдер. Военный дневник, т. 1. М., 1968, с. 392; DDI, ser. 9, vol. 4, N 426. Муссолини же, надеясь на успех германского наступления, высказал «твердую решимость» выступить против западных держав на Средиземном море.— The Ciano Diaries. 1939—1943. N. Y., 1947, p. 305.

14 мая военный кабинет утвердил общее направление военно-политической борьбы в Восточном Средиземноморье. Кроме сохранения безопасности союзных территорий (Палестина, Египет, Ливан, Сирия) и коммуникаций, первостепенное значение имело удержание Крита и оказание помощи Турции, особенно «в случае германского наступления и начала военных действий Италии на Балканах и в восточной части Средиземного моря». 17 мая Лондон вновь подтвердил необходимость занятия Крита английскими войсками, но в связи с крупной политико-дипломатической игрой с Римом он запретил посылать их «до начала войны с Италией»¹⁴.

Французские предложения в некотором отношении шли дальше: Париж настаивал на оккупации островов Мелоса и Саламиса, портов Наварино и Аргостоли, высадке небольших сил в Салониках и более раннем захвате Додеканес¹⁵. Таким образом, французы делали упор на втягивание Греции в войну и удержание в руках союзников ее эгейских островов, тогда как Лондон был гораздо больше озабочен удержанием Турции в своей орбите и сохранением Проливов в ее руках. По существу это было столь же удобное прикрытие провоцирования итальянской агрессии против Греции, как и упомянутое планирование овладения Критом. Несколько позже союзники дополнили арсенал своих действий решением не выполнять гарантий Греции и не требовать вступления Турции в войну против Италии в случае возникновения итало-греческого конфликта¹⁶.

Правда, греческое правительство в рамках лавирования между Лондоном и Берлином само было готово отказаться от британских гарантий, если Германия удержит Италию от нападения на Грецию. Тогда же Метаксас снял окончательно предложение о заключении англо-греческого союза, выдвинутое в 1938 г.¹⁷ Эта опасность уклонения Греции от участия в вероятном конфликте на Средиземном море заставила англичан избрать сложную тактику в критском вопросе. Пока союзники ведут большую игру в Риме, англо-французские силы не должны занимать Крит. Но если Италия атакует союзные позиции в бассейне Средиземного моря, а Греция останется в стороне, Лондон и Париж должны срочно решить вопрос о проведении десанта на остров¹⁸.

В сфере большой политики западные державы взяли курс на достижение договоренности с итальянскими фашистами. Англичане продолжили в Риме переговоры о клиринговом соглашении для расчетов по заказам итальянским судостроительным компаниям, а также об освобождении торговли Италии в Средиземном

¹⁴ PRO, CAB. 80/11, COS(40)353(JP), 14. V. 1940; CAB. 66/8, WP(40)175R.

¹⁵ PRO, CAB. 66/7, WP(40)156, 15. V. 1940; CAB. 79/4, COS(40)135M.

¹⁶ И. Н. Чемпалов. Дипломатическая подготовка к установлению экономического и военно-политического господства Германии на Балканах.— В сб.: Международные отношения в новейшее время, ч. 2. Свердловск, 1966, с. 11.

¹⁷ PRO, CAB. 80/11, COS(40)370(JP), 20. V. 1940.

¹⁸ PRO, CAB. 66/8, WP(40)175, 188, 29. V, 1. VI. 1940.

море от союзного досмотра в рамках экономической войны¹⁹. 16 мая Черчилль направил личное послание Муссолини, в котором намекал на возможность взаимопонимания в случае отказа Италии от враждебных действий. Говорилось там и о решимости Лондона «идти до конца, что бы ни случилось на континенте», о надежде на помощь из-за океана²⁰.

Одновременно с обращением Черчилля британская дипломатия сделала практические шаги в попытке достичь широкого соглашения с Римом. 16 мая заместитель министра иностранных дел Р. Батлер лично прибыл в итальянское посольство и сообщил, что его правительство «решило полностью пересмотреть вопросы контроля за контрабандой во всем, что касается Италии», чтобы вместе с нею «достичь радикального и окончательного решения». Посол Бастианини доносил в Рим, что англичане принимают «требование о нераспространении контроля на экспортные товары, находившиеся в итальянских портах, а также устранение любой формы контроля за торговыми судами Италии в Средиземном море»²¹.

Несмотря на резко отрицательный ответ, который Рим направил в Лондон и Вашингтон 18 мая, итальянские правители не прерывали свои контакты с англичанами. Было ясно, что только окончательный исход борьбы в Северо-Восточной Франции определит позицию Муссолини²². Это вполне устраивало англичан. 18 мая Лондон официально подтвердил устное заявление Батлера об итальянском судоходстве на Средиземном море и сообщил об освобождении практически всех задержанных итальянских грузов²³.

Что же касается Франции, то она определенно склонялась к соглашению с Италией ценой существенных уступок. 17 мая посол Гуарилья доносил в Рим, что «люди типа де Монзи (представители открыто капитулянтского крыла правительства.— А. Ч.) утверждают, что Франция была бы готова рассмотреть вместе с Италией вопрос о выходах из Средиземного моря— Суэце и Гибралтаре и потребовать от англичан отказаться от последнего»²⁴. 18 мая Бодуэн высказал надежду, что «дуче не воспользуется тяжелым военным положением, чтобы нанести

¹⁹ В. Г. Трухановский. Внешняя политика Англии в 1939—1945 гг. М., 1965, с. 120.

²⁰ W. S. Churchill. The Second World War, vol. 2, p. 107—108: The Diaries of Sir A. Cadogan. 1938—1945. Ed. by D. Dilks. L., 1971, p. 283—284.

²¹ DDI, ser. 9, vol. 4, N 434.

²² Итальянский ответ в гораздо большей степени предназначался Берлину в связи с успехами гитлеровцев во Фландрии. «Италия,— говорилось в послании в Вашингтон,— намерена остаться верной Германии, и она не может быть в стороне, когда на карту поставлена судьба Европы».— C. Hull. The Memoirs, vol. 1. N.Y., 1948, p. 780.

²³ DDI, ser. 9, vol. 4, N 474, 475.

²⁴ Ibid., N 458.

Франции решающий удар. Он знает, что главная цель — создание новой Европы, построенной на равновесии сил, а не на полном уничтожении одного из факторов равновесия — Франции...»²⁵. Французские пораженцы явно заблуждались: Муссолини не собирался восстанавливать «европейское равновесие» в том смысле, как его понимали в Париже.

Точка зрения французов относительно Суэца и Гибралтара беспокоила англичан, которые вообще не намеревались вести речь о таких уступках до выхода ударной группировки немцев к Ла-Маншу. Однако и самостоятельный зондаж Форин Оффис дал столь же неутешительный ответ. Итальянский консул Фракасси заявил, что отношения двух стран «не будут иметь твердой и стабильной основы до тех пор, пока средиземноморский вопрос не будет урегулирован», т. е. пока Италия не станет контролировать оба выхода из моря²⁶.

24 мая, когда поражение союзников в Северо-Восточной Франции стало очевидным, военный кабинет Англии одобрил идею призыва к Италии остаться нейтральной в обмен на обещание Лондона принять во внимание «разумные итальянские требования» на мирной конференции, где Рим имел бы равный с воюющими сторонами статус. В качестве конкретной приманки Галифаксу поручалось приступить к обсуждению «неотложных итальянских требований»²⁷.

Это решение имело в виду не только удержание Италии вне войны. В Лондоне, вероятно, опасались возможности франко-итальянского соглашения за счет англичан. 24 мая Гуарилья сообщил в Рим, что правые круги во Франции выдвинули предложение создать правительство Петэна-Лавалья, которое будет просить Муссолини о посредничестве между Парижем и Берлином. Лаваль предлагал «кардинальное изменение франко-английских отношений и решение средиземноморского и африканских вопросов», чтобы примириться с Римом. По существу он был не против «изгнания англичан из Средиземного моря и Северной Африки — основной цели Италии»²⁸.

Английская инициатива могла также стать толчком к выдвижению державами оси «разумных предложений» о прекращении войны на Западе. Уже к 20 мая гитлеровцы были не прочь «вступить в контакты с Англией на базе раздела сфер влияния в мире», а ближайший советник Гитлера генерал А. Йодль записал в тот же день: «Фюрер занимается вопросом о мирном договоре... Англичане в любой момент могут получить сепаратный мир после того, как возвратят колонии»²⁹.

²⁵ DDI, ser. 9, vol. 4, N 465.

²⁶ PRO, FO. 371/24952, R 6254/60/22.

²⁷ The Diaries of Sir A. Cadogan, p. 289.

²⁸ DDI, ser. 9, vol. 4, N 565.

²⁹ Ф. Гальдер. Военный дневник, т. 1, с. 412; Нюрнбергский процесс, т. 1. М., 1965, с. 336.

25 мая Галифакс в беседе с Бастианини изложил указанное решение своего кабинета, подчеркнув при этом, что Лондон уважает «особые итапо-германские отношения». О возможных уступках Риму было сказано весьма неопределенно: «По завершении переговоров о блокаде можно было бы приступить к рассмотрению всех проблем, интересующих обе стороны»³⁰.

Итапо-анский посол ответил, что «вопрос англо-итапо-анских отношений может быть рассмотрен лишь в более широких рамках долгосрочного и справедливого урегулирования европейской системы».

Это вполне устраивало Лондон, и потому на вопрос Бастианини, согласен ли британский кабинет на участие в конференции четырех держав — Германии, Италии, Англии и Франции, Галифакс заметил, что его правительство «никогда не отказывалось принимать во внимание подобную возможность, если возникнет благоприятная ситуация»³¹.

Замечание о благоприятной ситуации наводит на мысль, что Лондон хотел сохранить возможность отказаться от переговоров с державами оси, если условия соглашения с ними окажутся невыгодными британским монополиям. Но очевидно, что своим ответом англо-анское правительство стремилось подтолкнуть Рим к более активной роли посредника в прекращении борьбы на Западе.

Усилия дипломатии Лондона были поддержаны Рузвельтом, который направил 26 мая новое послание Муссолини. Кроме информации о готовности Англии и Франции «достичь соглашения, которое удовлетворит разумные итапо-анские требования к концу войны», и пригласить Итапо-ю на мирную конференцию на правах воюющей стороны, в обращении президента видно стремление США играть роль верховного арбитра при неофициальном сговоре союзников с Римом³².

Англичане сочли беседу Галифакса с Бастианини вполне удовлетворительной и в тот же вечер 25 мая провели новую встречу с итапо-анцами, чтобы выяснить конкретные требования к Лондону. На этот раз им ответили, что речь идет о передаче выходов из Средиземного моря под контроль Италии. Такой ответ настолько расходился с характером предыдущей беседы, что британский представитель, личный секретарь Батлера Г. Джебб, довольно резко заметил, что только полное поражение Англии в войне заставит ее отдать Гибралтар и Суэц³³.

³⁰ PRO, CAB. 65/13, WM(40)139Cs; DDI, ser. 9, vol. 4; N 589.

³¹ Из каких-то соображений Бастианини в своем донесении скрыл факт прямого вопроса относительно конференции четырех, однако косвенно он все-таки звучит. — PRO, CAB. 66/7, WP(40)170; DDI, ser. 9, vol. 4, N 589.

³² C. Hull. The Memoirs, vol. 1, p. 782—783. Хотя, по мнению Хэлла, этот демарш «был чем-то более конкретным и шел дальше предыдущих посланий президента», США отказались взять какие-либо обязательства в качестве гаранта соглашения союзников с Итапо-ей, о чем их просили Лондон и Париж.

³³ The Diaries of Sir A. Cadogan, p. 289—290.

Главной причиной изменения тактики итальянской дипломатии на переговорах с англичанами явилось поражение союзников в первой фазе сражения в Западной Европе. Кроме того, к 25 мая в Риме получили сведения о том, что Германия отнюдь не заинтересована в скорейшем вступлении Италии в войну, и это вызвало озабоченность римских правителей³⁴. Простая логика подсказывала им, что для реализации своих средиземноморских замыслов Италия должна занять более жесткую позицию в отношении западных союзников.

Поражение англо-французских войск заставило французское правительство активизировать свои усилия, чтобы добиться прекращения борьбы с державами оси. 26 мая премьер-министр П. Рейно прибыл в Лондон, чтобы обсудить возможные уступки союзников Италии. Он считал, что речь пойдет прежде всего о нейтрализации Гибралтара и Суэца, демилитаризации Мальты и ограничении ВМС союзников в Средиземном море, а также изменении статута Туниса³⁵.

Хотя формально вопрос стоял о соглашении с Италией «для спасения Франции», смысл предлагаемого демарша был гораздо глубже. Союзники понимали, что 10 дивизий с альпийского фронта не могли спасти Францию. Договоренность с Римом мыслилась как путь к прекращению борьбы с Германией и достижению соглашения о «долгосрочном и справедливом урегулировании европейской системы». Именно в этом был смысл контактов Галифакса с Бастианини, о которых было доложено на утреннем заседании военного кабинета 26 мая при обсуждении визита Рейно. Британский министр верно полагал, что посол зондировал почву относительно согласия Лондона на конференцию европейской четверки³⁶.

Но по вопросу «европейского урегулирования» в британской верхушке возникли разногласия. Галифакс, наиболее откровенный выразитель настроений мюнхенцев, был за начало мирных переговоров. На слова Бастианини о том, что «главным желанием Муссолини является мир в Европе», английский министр заметил: «Мир и безопасность в Европе и наша главная цель, и мы были бы готовы рассмотреть любые предложения, которые могут привести к этому, при условии, что наша свобода и независимость будут гарантированы»³⁷.

Мюнхенцы считали, что, если французы намерены прекратить борьбу и договориться с противником, Париж может «сыграть сильной картой, сообщив Гитлеру о своем обязательстве не заключать сепаратный мир». Таким образом, полагал Галифакс,

³⁴ Первое сообщение пришло из Берлина 18 мая, затем Гальдер в записи 21 мая подтвердил эту позицию Гитлера. Наконец, 25 мая «Свенска дагбладет» публично заявила об этом.— См.: DDI, ser. 9, vol. 4, N 569.

³⁵ PRO, CAB. 65/13, WM(40)140Cs, p. 147.

³⁶ Ibid., WM(40)139Cs, p. 141.

³⁷ Ibidem.

можно выторговать у немцев выгодные условия перемирия, если цель Гитлера действительно состоит в ликвидации их союза³⁸.

Черчилль, лидер другой группы, заявил в этой дискуссии: «Мы никогда не сможем принять мир и безопасность, установленные на основе германского господства в Европе». Он добавил, что выступает против любых переговоров, которые могут привести к ущемлению английских прав и позиций³⁹.

Чемберлен, всё еще влиятельная фигура в правящей верхушке и фактический лидер мюнхенцев, высказал опасение по поводу поспешного согласия Франции на конференцию под угрозой немедленного вступления Италии в войну. Полагая, что итальянские требования относятся в основном к Парижу, он предложил убедить французов откупиться от Италии. В любом случае это даст выигрыш во времени⁴⁰. Чемберлен в данном случае занял компромиссную позицию, не исключив ни общего соглашения с державами оси, ни определенной договоренности с Италией.

Днем 26 мая после совещания Галифакса, Чемберлена, Черчилля и Эттли с Рейно заседание военного кабинета возобновилось⁴¹. Галифакс вновь поддержал идею обращения к Италии, ибо «Муссолини не жаждет видеть Гитлера хозяином Европы и поэтому он будет стремиться... чтобы тот занял более разумную позицию». Британский министр полагал, что Берлин едва ли будет настаивать на самых жестких условиях, и считал весьма желательным «позволить Франции выяснить возможности установления европейского равновесия». «Мы можем сказать Муссолини,— заявил он далее,— что, если условия затрагивают нашу независимость, мы не будем обсуждать их сейчас. Если же он, как и мы, обеспокоен мощью Гитлера и готов смотреть на вещи с точки зрения баланса сил, тогда мы могли бы рассмотреть итальянские требования»⁴².

Черчилль продолжал сомневаться в резонности обращения к Италии, хотя и не так уверенно, как накануне. Мюнхенцы заметно активизировались, Чемберлен полностью поддержал Галифакса. Рейно на вопрос Черчилля, предлагали ли Парижу какие-либо условия мира, ответил «Нет», но добавил, что французы могут получить их, если захотят. Британский премьер попытал-

³⁸ Ibidem. Это был намек на возможность добиться «разумного соглашения» с Германией ценой отказа от союза с Францией.

³⁹ Ibidem.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ Первые 15 мин. этого заседания шли без секретаря военного кабинета, и эта часть дискуссии не вошла в официальный протокол. Не исключено, что именно тогда обсуждались возможные условия Гитлера как основа «общеевропейского урегулирования».

⁴² PRO, CAB. 65/13, WM(40)140Cs, p. 149. В конце дискуссии 26 мая Галифакс высказался более чем ясно. Если англичане подойдут к обсуждению условий общего соглашения и сочтут, что эти условия не предполагают ликвидации независимости Британии и ее империи, было бы глупо не принять их.— Ibid., p. 151.

ся сосредоточить внимание на вопросе, сможет ли Франция продолжать сопротивление. Утверждая, что Германия пойдет до конца и в случае прекращения борьбы предъявит максимально тяжелые условия, Черчилль выступил за выход Франции из войны прежде, чем она рухнет полностью. Тогда она сохранит позицию строгого нейтралитета, и ее военная промышленность не может быть использована против Англии⁴³.

В надежде избежать капитуляции перед германским империализмом обе группы британских верхов стремились использовать не только итало-германские противоречия, но и коренные антисоветские замыслы гитлеровцев. В дискуссии 26 мая, касаясь возможных германских условий и времени их принятия, и Чемберлен, и лидер лейбористов Эттли — сторонник группы Черчилля были единодушны в том, что Гитлер в своих действиях против западных держав ограничен временем до конца 1940 г. А сам премьер-министр утверждал: «Положение полностью изменится, если мы продержимся три месяца»⁴⁴. Несомненно, здесь крылся расчет на вероятность и даже неизбежность поворота Германии на Восток.

Различие взглядов обеих групп в этом вопросе состояло в том, что мюнхенцы считали возможным осуществление этого поворота в условиях новой англо-германской договоренности о разграничении сфер влияния в капиталистическом мире. Группа Черчилля не питала иллюзий относительно приемлемости германских условий «разумного соглашения», она была ближе к пониманию глубины англо-германских противоречий и непримиримости основных интересов британского и германского империализма. Черчилль по поводу контактов с итальянцами 25—26 мая заявил, что напрасны надежды выбраться из нынешнего трудного положения возвращением германских колоний и уступками в Средиземном море. Немцы наверняка не позволят англичанам перевооружиться после поражения в Северной Франции⁴⁵. Поэтому Черчилль делал ставку на то, чтобы «продержаться» несколько месяцев. Этот путь был более рискованным, чем прямое соглашение с гитлеровцами, зато в случае успеха он обеспечивал сохранение за Британской империей роли мировой колониальной силы.

27 мая дебаты в военном кабинете были продолжены. Обе группы отклонили прямое обращение к Италии, особенно с указанием конкретных уступок в Средиземном море, на чем настаивал Рейно в новом обращении к Лондону. Причина заключалась не только в опасении нежелательного воздействия на моральный дух английского народа. Британский посол в Риме П. Лорейн сообщил, что его возможности влияния на Муссолини в плане посредничества практически исчезли. В Лондоне знали, что нем-

⁴³ PRO, CAB. 65/13, WM(40)140Cs, p. 148, 150, 151.

⁴⁴ Ibid., p. 147—149.

⁴⁵ Ibid., p. 151.

цы откровенно дали понять не только итальянцам, но и англичанам, что Гитлер не желает немедленного вступления Италии в войну⁴⁶.

Мюнхенцы все же надеялись, что Муссолини еще может сыграть роль посредника в достижении «европейского урегулирования». Чемберлен заявил 27 мая, что нужно отвергнуть любую попытку Рузвельта или Рейно добиться сепаратной сделки с Римом. Но, если поступит приглашение на конференцию четырех, он готов обсуждать итальянские вопросы. Мюнхенцы также надеялись, что после разгрома Франции и падения Парижа — Чемберлен допускал это в ближайшие дни — Гитлер даст Англии некоторое время для выбора решения, прежде чем двинуться против нее. И в этот момент Муссолини мог бы «вступить в игру»⁴⁷.

Черчилль, учитывая донесение Лорейна и отрицательный ответ Рима на обращение Рузвельта 26 мая, осудил всякий подход к Муссолини и высказался против любых условий мирного соглашения с державами оси. Такой поворот явно не понравился мюнхенцам. Галифакс напомнил, что вчера на его вопрос, готов ли премьер-министр обсуждать условия общего соглашения, если они не затронут независимости Англии, Черчилль ответил, что он принял бы это с радостью даже ценой уступки некоторых территорий⁴⁸. Галифакс снова поставил вопрос: «Допустим, французская армия прекратит борьбу и на германские условия Париж ответит, что Франция не может одна начать переговоры и что надо иметь дело с обоими союзниками. Если Гитлер, озабоченный окончанием войны, предложит условия нам, готов ли премьер обсуждать их?» Черчиллю пришлось уточнить свою позицию: «Если Гитлер готов подписать мир на условиях возвращения Германии колоний и господства в центре Европы, это одно дело. Однако совершенно невероятно, чтобы он сделал такое предложение»⁴⁹.

Чемберлен поддержал Галифакса, отметив, что, «если конкретные предложения будут представлены военному кабинету, не составит большого труда решить, что приемлемо, а что нет». Однако большинство участников дискуссии — Черчилль, Эттли, Гринвуд и Синклер склонялось к тому, что Берлин предъявит неприемлемые условия. Мнение военного кабинета в этом вопросе было зафиксировано так: если гитлеровцы после разгрома Франции предложат англичанам прислать делегатов в Париж для переговоров, не сообщив заранее основных условий перемирия, Лондон ответит отказом⁵⁰.

⁴⁶ Ibid., WM(40)142Cs, p. 176.

⁴⁷ Ibidem.

⁴⁸ Ibid., p. 179.

⁴⁹ Ibid., p. 180.

⁵⁰ Ibidem. Протоколы военного кабинета сглаживают расхождения между Черчиллем и Галифаксом. Дневники Галифакса и Кадогана показывают, что

28 мая военный кабинет закончил дискуссию. Мюнхенцы по-прежнему были активны, настойчиво призывая «смотреть на вещи трезво» и подтвердить готовность сделать определенные уступки Италии после войны. Чемберлен заявил, что уступки в отношении Мальты и Гибралтара должны быть частью общего соглашения с Германией. Любая договоренность с Римом, которая оставляет Берлин в состоянии войны с союзниками, не будет иметь для Англии никакой ценности⁵¹.

Группа Чемберлена продолжала питать иллюзии по поводу готовности Италии сыграть роль посредника. На замечание Синклера, что она отвергла демарш Рузвельта, идентичный по содержанию предложениям Рейно и Галифакса, лидер мюнхенцев ответил, что Муссолини просто недоволен вмешательством президента США. Чемберлен одобрял стремление Рейно втянуть Италию в переговоры с союзниками, а затем превратить их в конференцию четырех. Поэтому он предлагал дать такой ответ французам, чтобы, «не отвергая идеи вообще, убедить их, что момент еще не настал»⁵².

В конечном итоге военный кабинет решил, что общее мнение наиболее точно выразил Чемберлен — как в отношении перспектив возможного соглашения с державами оси, так и относительно формулы ответа на предложение Рейно⁵³. Ему и Галифаксу поручили подготовить проект телеграммы в Париж, который был одобрен кабинетом без изменений. «Если Италия,— говорилось там,— будет сотрудничать с нами в решении всех европейских вопросов при сохранении нашей независимости и создании базиса для справедливого и прочного мира в Европе, мы будем готовы обсуждать ее требования на Средиземном море». Следовательно, мюнхенцы провели свою главную идею: сохранить двери открытыми для переговоров с державами оси⁵⁴.

«Но мы убеждены,— говорилось далее,— что в данный момент, когда Гитлер упоен победой и явно рассчитывает на скорый и

глава Форин Оффис считал позицию премьера и его сторонников «ненужной эмоциональностью» и «ужасной глупостью» и прямо заявил 27 мая: «Если они действительно так думают и примут такое решение, наши пути должны разойтись». После заседания кабинета 27 мая он сказал Кадогану, с которым был открыт: «Я больше не могу работать с Уинстоном». Однако соображения борьбы за власть взяли верх, и Галифакс отказался от мысли уйти в отставку.— *Earl Birkenhead. Halifax. L., 1965, p. 458; The Diaries of Sir A. Cadogan, p. 291.*

⁵¹ PRO, CAB. 65/13, WM(40)145Cs, p. 185.

⁵² *Ibid.*, p. 188.

⁵³ *Ibidem*. Предложение Синклера добавить в резюме кабинета несколько замечаний Черчилля не было принято.

⁵⁴ Дневник О. Харви, одного из авторитетных и достаточно объективных современников событий, подтверждает, что эта фраза была не просто общим местом, а отражала конкретные замыслы авторов документа. Харви находился в британском посольстве в Париже, когда там получили ответ для Рейно. «Я опасаюсь,— записал он,— что текст телеграммы имеет в виду возможность посредничества Муссолини на более поздней стадии. Похоже, что Галифакс имеет какой-то план посредничества в обмен на предложение уступок Италии».— *P. M. Bell. A. Certain eventuality... , p. 47.*

полный крах сопротивления союзников, Муссолини не может выдвинуть предложение о такой конференции с реальными шансами на успех». Этот пункт, как мы видели, в той же мере отражал точку зрения мюнхенцев, как и их соперников. Успехом группы Черчилля была та часть документа, где говорилось о возможности продолжения борьбы Англией, особенно «при укреплении англо-французских отношений и при серьезной моральной и, возможно, материальной помощи США»⁵⁵.

Анализ дискуссии 26—28 мая позволяет сделать некоторые выводы относительно британской политики в Западной Европе и бассейне Средиземного моря в критические недели конца мая — начала июня 1940 г. Лондон считал, что обращение в Рим с целью достичь соглашения с Италией останется безрезультатным независимо от того, будут указаны конкретные уступки союзников или нет. Даже если удастся удержать ее вне войны, что само по себе было маловероятно, исход борьбы в Западной Европе не вызывал сомнений. Франция неотвратимо шла к поражению.

Но англичане понимали, что Париж был в гораздо большей степени, чем Лондон, заинтересован в соглашении с Муссолини не для продолжения войны, а чтобы обеспечить более надежный средиземноморский тыл для переговоров с гитлеровцами, к чему французы явно склонялись после 25 мая. Перед правительством Англии встал вопрос: есть ли смысл использовать свое согласие на обращение к Италии как средство удержать Францию в западной коалиции хотя бы на какое-то время?

Британский кабинет пришел к единому мнению, что отрицательные последствия, т. е. втягивание Англии в сомнительную перспективу переговоров и деморализация нации, явно перевешивали выгоды, которые возникли в результате сближения точек зрения Лондона и Парижа. По существу, смысл ответа на предложение Рейно означал, что англичане отказались действовать совместно с Францией не только на полях сражений, но и в дипломатической сфере. Это была решающая веха в распаде западного союза. Но Лондон не хотел открыто говорить об этом, так как рассчитывал использовать сопротивление французов, сколь бы кратким оно ни было. Поэтому идея Чемберлена «потянуть время» встретила полное одобрение⁵⁶.

В одном важном пункте — в определении того, насколько опасна попытка выяснить через Рим германские условия «разумного соглашения», обе группы в правящей верхушке Англии явно разошлись. Мюнхенцы допускали возможность такого соглашения и потому стремились вовлечь Италию в качестве его посредника и участника. Группа Черчилля практически исключала такую возможность. Решение военного кабинета 28 мая, будучи компромиссным и противоречивым, отвергало едва прикрытую кап-

⁵⁵ PRO, CAB. 65/13, WM(40)145Cs, p. 197—198.

⁵⁶ P. M. Bell. A Certain eventuality..., p. 45.

туляцию, т. е. английскую инициативу в выяснении условий «разумного соглашения». Однако в принципе не исключалась иная, более почетная для Лондона, капитуляция на последующем этапе в виде «создания основ для справедливого и длительного мира в Европе», особенно если державы оси первыми начнут разговор на эту тему⁵⁷.

Дискуссия показала, что английское правительство заняло твердую позицию в вопросах Средиземноморья. Обстановка в этом районе не могла оказать серьезного влияния на исход борьбы в Западной Европе, и любые уступки здесь с целью откупиться от Италии были бы совершенно напрасны. С другой стороны, собственно британские силы, кроме материальной части экспедиционного корпуса, брошенной под Дюнкерком, оставались нетронутыми. И хотя ближайшие перспективы для Лондона были довольно мрачны, с учетом антисоветских замыслов Берлина и неизбежным втягиванием США в борьбу против Германии англичане могли рассчитывать на удержание стратегически наиболее важных районов и сфер влияния, в том числе бассейна Средиземного моря. И если иметь в виду, что после изгнания Англии с континента Европы Средиземноморье неизбежно становилось для британского империализма важнейшим театром военно-политической борьбы после сохранения коммуникаций через Атлантику и Индийский океан, то станет понятным стремление Лондона не жертвовать своими стратегическими позициями в этом районе.

Как мы видели, ответ Черчилля Рейно 28 мая означал, что Англия не поддержит французов в их обращении к Италии. Когда Париж в порядке выполнения союзнических обязательств сообщил в Лондон текст своей ноты итальянцам, где содержался прямой намек на желательность «окончательного соглашения о безопасности» и «прямых переговоров между заинтересованными сторонами», англичане не присоединились к нему, хотя и не возражали против этого шага⁵⁸.

Однако итальянский фашизм уже встал на тропу войны. 29 мая в беседе с Франсуа-Понсэ и Лорейном Чиапо заявил, что остался только военный путь разрешения вопросов между Римом и западными державами. 31 мая итальянцы официально дали негативный ответ на французскую ноту и прервали переговоры с англичанами о контроле торгового судоходства в Средиземном

⁵⁷ Эти настроения британской верхушки не позволяют согласиться с мнением П. Белла о том, что «дискуссия 26—28 мая стала поворотным пунктом в английской истории и соответственно в истории Европы». — P. M. Bell. *A Certain eventuality.*, p. 48. Британский историк игнорирует то обстоятельство, что уже в конце мая — начале июня 1940 г. решающим фактором расстановки военно-политических сил в Европе, определившим дальнейший ход второй мировой войны, стала не позиция Лондона, а факт существования Советского Союза и стремление гитлеровцев устранить его как главное препятствие на пути своей политики агрессии и войны. — См.: История второй мировой войны, т. 3, с. 231; Д. М. Прозектор. *Агрессия и катастрофа*, с. 182—186.

⁵⁸ Г. М. Ратнани. *Конец Третьей республики*, с. 107.

море⁵⁹. В тот же день Муссолини демонстративно враждебно ответил на последнее обращение Рузвельта к итальянскому диктатору. Хотя формально оно имело цель облегчить положение западных союзников, президент прежде всего напомнил об «исторических интересах США на Средиземном море, которые американцы защищали почти 150 лет». В случае вступления Италии в войну Рузвельт грозил «удвоением помощи союзникам»⁶⁰. По существу это был блеф, и в Риме преднамеренно не заметили угрозы. По поводу американских «исторических интересов» Муссолини ядовито заметил, что они столь же «основательны», как итальянские интересы в Карибском море⁶¹.

Правительство Черчилля вело себя сдержанно вежливо по отношению к Италии. Хотя объявление о ее вступлении в войну ожидалось с минуты на минуту, британские власти продолжали пропускать итальянские торговые суда, получившие «нависерты» — специальные пропуска еще до прекращения упомянутых переговоров. Только 5 июня военный кабинет решил приостановить свободный проход итальянских судов через систему союзной блокады⁶². Вплоть до 10 июня английская пресса, как правило, воздерживалась от упреков в адрес Рима и практически не отвечала на мощную антибританскую кампанию органов массовой информации Италии. «Нью-Йорк таймс» писала в те дни, что Лондон готов трезво обсуждать все проблемы Средиземноморья, но не собирается идти на сделку с итальянским диктатором на его условиях. Союзники и без того пошли далеко навстречу Италии в признании «ее законных притязаний»⁶³.

Эта линия британского правительства и логически, и практически увязывалась с военно-политическими планами союзников в Восточном Средиземноморье. Как мы видели, эти планы исходили из стремления отвлечь Германию от Западной Европы, а Италию от бассейна Средиземного моря на юго-восток Европы путем развязывания военного конфликта в южной части Балкан. При этом предполагалось, что западные державы, возможно, сумеют, с одной стороны, достичь «разумного соглашения» с Германией и Италией в Западной и Южной Европе, а с другой — избежать вовлечения в балканскую войну и одновременно удержать за собой такие важные стратегические позиции в Восточном Средиземноморье, как Проливы и Крит⁶⁴.

⁵⁹ Г. С. Филатов. Крах итальянского фашизма. М., 1973, с. 144—145. Любопытно, что партнеры уже достигли соглашения о значительных льготах итальянскому судоходству в рамках экономической блокады союзников.

⁶⁰ C. Hull. The Memoirs, vol. 1, p. 783.

⁶¹ Ibidem.

⁶² "The Daily Telegraph and Morning Post", 3. VI. 1940; The Diaries of Sir A. Cadogan, p. 295.

⁶³ "The New York Times", 1. VI. 1940.

⁶⁴ Надежды на развязывание военного конфликта на Балканах, вероятно, были важным источником, питавшим иллюзии мюнхенцев о возможности «разумного соглашения» с державами оси.

Предпосылкой этих расчетов было сохранение англо-французского союза и неучастие Италии в войне против западных держав. Однако в начале июня оба фактора практически исчезли. 10 июня Италия стала противником Англии и Франции во всем бассейне Средиземного моря. 11 июня военный кабинет утвердил доклад комитета начальников штабов о балканской и восточно-средиземноморской политике в новой ситуации. Поскольку германо-итальянское господство на Балканах, «по меньшей мере до турецкой Фракии», становится лишь вопросом времени, необходимо не допустить крайне невыгодного западным державам мирного превращения Балканских стран в вассалов фашистского блока. Поэтому следует «сделать все возможное, чтобы побудить Грецию и Югославию вступить в войну на стороне Турции, Франции и Англии и открыто предложить туркам образовать вместе с Грецией и Югославией общий балканский фронт на стороне союзников»⁶⁵.

В этом документе подчеркивалась чисто военная сторона проблем британской политики. Отвлечение внимания и сил держав оси на Балканы рассматривалось как важное средство прикрытия английских позиций в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке⁶⁶. Однако не менее существенными были политические аспекты вопроса. Если Англия не окажет хотя бы символической поддержки Балканским странам перед лицом фашистской агрессии, это серьезно дискредитирует ее в глазах мировой общественности, особенно народов и правящих кругов средиземноморских и ближневосточных стран. «Захват Балкан при отсутствии какой-либо прямой поддержки с нашей стороны,— говорилось в документе,— несомненно отрицательно повлияет на наши позиции на Ближнем Востоке, и наше военное положение на Средиземном море и в прилегающих странах станет куда более трудным»⁶⁷.

С другой стороны, создание «общего балканского фронта» означало бы, что правящим кругам стран-участниц, прежде всего Югославии и Греции, не удастся договориться с Берлином и капитулировать без борьбы. Уйдя в эмиграцию по примеру сербского правительства в 1915 г., а также норвежского и голландского в мае 1940 г., они могли надеяться на возвращение, а британский империализм — на восстановление и укрепление там своих позиций.

Наконец, английское правительство тщательно следило за перспективой развития германо-советских отношений, делая по-прежнему большую ставку на их обострение. Упоминание в указанном документе о «возможности для России занять Бессарабию» в общем контексте рассуждений о превращении Балкан в арену во-

⁶⁵ PRO, CAB. 80/12, COS(40)442(JP); PRO, CAB. 66/8, WP(40)200, p. 164, 166.

⁶⁶ PRO, CAB. 66/8, WP(40)200, p. 165.

⁶⁷ Ibid., p. 166.

енных действий⁶⁸ отражает стремление Лондона вызвать таким путем военный конфликт между державами оси и Советским Союзом. Эта сторона британской политики еще более откровенно прозвучала в совместном меморандуме Форин Оффис и комитета начальников штабов 28 июня 1940 г. Поскольку идея «общего балканского фронта» к тому моменту стала явно нежизнеспособной⁶⁹, правительство Черчилля предполагало «изыскать другие средства возникновения пожара войны на Балканах». К ним относились: использование болгаро-турецких противоречий, действия против румынских нефтепромыслов «путем подкупа и саботажа», занятие Крита или других островов в Эгейском море. Однако наиболее перспективным средством считалось «использование ситуации в связи с действиями России в Бессарабии и Буковине»⁷⁰.

Таким образом, несмотря на изменение обстановки после поражения Франции и распада западного союза, идея переадресовки войны Германии на Восток по-прежнему оставалась в качестве крупного замысла британской большой стратегии в Европе. Правда, в Лондоне не сумели воспользоваться этими «другими средствами». Гитлеровцы оказались не готовыми к тому, чтобы радикально вмешаться в балканские дела в момент решения бессарабского вопроса.

К тому времени правительство Черчилля приступило к решению главной проблемы средиземноморской политики — судьбы «французского наследства», к которому относились военно-морской флот и северо-африканские владения, причем интерес к флоту сразу выдвигается на передний план. В этом вопросе англичане получили полную поддержку из Вашингтона, где также придавали большое значение флоту союзников ввиду близкой капитуляции Франции и возможного соглашения западных держав с осью. При таком развитии событий переход только французского флота под контроль фашистских держав создавал бы решающую предпосылку для установления гитлеровцами господства в бассейне Средиземного моря и означал бы появление новой серьезной угрозы для США⁷¹.

26 мая — день особый для западной дипломатии — Рузвельт направил в Париж беспрецедентное по содержанию и форме послание. Он потребовал подготовить средиземноморский флот Франции

⁶⁸ Ibid., p. 165.

⁶⁹ «Ни одна балканская страна, в том числе и Турция, — отмечалось в меморандуме, — не склонна ввязываться в борьбу против Германии». — PRO, CAB. 80/14, COS(40)504(JP).

⁷⁰ Ibidem.

⁷¹ Г. Н. Севостьянов, А. И. Уткин. США и Франция в годы войны. 1939—1945. М., 1974, с. 54. Далеко не случайно в стенограмме заседаний конгресса США в конце мая 1940 г. оказались сравнительные данные о флотах европейской четверки, США и Японии. Из них видно, что захват немцами французских ВМС превращал бы флот держав оси в более мощную силу, чем флот США. — См.: U. S. Congress. Congressional Record. Proceedings and Debates of the 75-th sess, vol. 86, pt. 6. Washington, 1940, p. 6686.

к выводу через Гибралтар и Суэц, чтобы направить его затем в Вест-Индию или Западную Африку⁷². Британское правительство было поставлено в известность об этом обращении, которое стало для него отправным пунктом в разработке собственных планов относительно «французского наследства».

27 мая лорд Хэнки, член специальной французской комиссии, подготовил документ об условиях предоставления Парижу свободы рук для заключения сепаратного мира. На первом месте стояла отправка всего боевого и торгового флота Франции в британские порты. Англичане планировали также забрать остатки французской авиации с летчиками-добровольцами, часть промышленного оборудования для производства вооружения и боеприпасов вместе с квалифицированным персоналом, наконец, золотой запас Франции. Кроме того, Лондон собирался наложить руку на все французские заказы в США на самолеты и другое военное снаряжение⁷³.

С этого момента в английской политике по отношению к Франции прослеживаются две линии. Официально Лондон заверял ее в своей решимости бороться до конца и помогать союзнику. Именно в таком смысле говорил Черчилль на заседании верховного военного совета союзников 31 мая⁷⁴. Однако реальная политика была иной. Подлинное настроение британской верхушки относительно способности и готовности Франции к дальнейшему сопротивлению довольно точно отразил Кадоган. Вот что записал он в тот же день: «Они (французы — А. Ч.) находятся в сложном положении — совсем без помощи и без желания бороться. Я думаю, нам лучше было бы без них. Если мы удержим их в борьбе, придется дать им прикрытие с воздуха и истощить свою оборону, и таким образом мы окажемся между двух стульев. Лучше сказать: если вы не сможете выдержать это, уходите или сдавайтесь. Мы продолжим борьбу одни, опираясь на помощь США»⁷⁵. Кадоган отнюдь не симпатизировал своему премьеру, он примыкал к мюнхенцам, и тем убедительнее совпадение его мнения с позицией Черчилля по этому вопросу.

2 июня Форин Оффис с личной санкции Галифакса запросил мнение посла в Париже Р. Кэмпбелла относительно намерений французов и предложений Хэнки⁷⁶. 4 июня, за день до начала вто-

⁷² FRUS, 1940, vol. 2, p. 452. Накануне, 25 мая, Рузвельт лично заявил британскому послу Лоттиану о необходимости, «если случится худшее», заблаговременно отправить английский флот в Канаду или Австралию.

⁷³ PRO, FO. 371/24383, C 7074/5/18. Эти намерения Лондона настолько расходились с принципами союзных отношений, что документ Хэнки получил гриф «высшая секретность» и остался в архиве Форин Оффис в единственном экземпляре.

⁷⁴ The Diaries of Sir A. Cadogan, p. 293.

⁷⁵ Ibidem.

⁷⁶ Кадоган записал в тот же день: «Решение (о разрыве с Францией. — А. Ч.) отложено в ожидании доклада начальников штабов. Лейбористы, Невилл, Галифакс и Синклер согласны со мной. Сентиментальный Уинстон скорее сомневается». — The Diaries of A. Cadogan, p. 293. Дело, конечно, не в сентиментальности. Черчилль тоньше понимал необходимость создать впечатление верности Англии до конца союзным обязательствам.

рой фазы сражения во Франции, Кэмпбелл сообщил, что в Париже вполне допускают возможность немецких предложений о сепаратном мире. «Решится ли правительство отправиться в Северную Африку или примет германское предложение? Я не могу точно ответить на этот вопрос,— доносил посол,— но определенно не возлагаю надежд на первый путь, особенно если условия не будут слишком жесткими»⁷⁷.

Как только стали очевидны тактические успехи немецкого наступления в сражении на Сомме и Эн, англичане форсировали разработку планов по реализации предложений Хэнки. Совещание в адмиралтействе 8 июня, на котором присутствовали Паунд, Кадоган и Хэнки, пришло к выводу, что «в высшей степени маловероятно ожидать распоряжения Дарлана или кого-либо еще об отправке французского флота в британские порты или даже в Америку»⁷⁸. Паунд с солдатской прямотой заявил, что лучше пустить французский флот ко дну, чем рисковать возможностью сдачи его противнику. «В конечном счете,— добавил он,— если французы не потопят его сами, мы, возможно, сделаем это за них». Посол Кэмпбелл был срочно вызван в Лондон, и Кадоган обсуждал с ним, «как спасти оставшееся, если Франция рухнет»⁷⁹.

По существу решение было принято. 10 июня адмиралтейство отдало приказ командующим флотами в метрополии и в Средиземном море не допустить отплытия французских кораблей из британских портов. Одновременно было условлено, что Паунд попытается убедить Дарлана затопить французский флот раньше, чем Париж запросит условия перемирия⁸⁰.

Правительство Рейно в те же дни прилагало последние, но тщетные усилия, чтобы вступить в прямые контакты с итальянскими фашистами. 4 июня премьер-министр заявил в сенате, что Париж продолжил свои обращения «с целью найти дружественную основу для разрешения всех вопросов, стоящих между двумя странами. «Мы никогда,— сказал он,— не закрывали и не закрываем теперь двери для любых переговоров». 6 июня Рейно выступил по радио с призывом к Муссолини «попытаться мирными средствами решить вопросы, разделяющие две страны»⁸¹.

Эти просьбы были жестом отчаяния, однако в них был и другой смысл. Французские правители вероятно хотели дать знать в Рим о своей готовности пойти навстречу, вплоть до предоставления Италии свободы рук на Средиземном море. С другой стороны, французы могли питать надежду усилить подобными действиями подозрения гитлеровцев по поводу возможности франко-итальян-

⁷⁷ PRO, FO. 371/24383, C7074/5/18.

⁷⁸ Ibidem.

⁷⁹ Ibidem; The Diaries of Sir A. Cadogan, p. 295.

⁸⁰ British Museum. Department of Manuscripts. Correspondence and Papers of the Admiral of the Fleet A. B. Cunningham. 1939—1946. ADD MS 52569, p. 81; S. Roskill. Hankey. Man of secrets, vol. 3. L., 1974, p. 477.

⁸¹ "The Times", 5. VI. 1940; "The New York Times", 7. VI. 1940.

ской договоренности и тем самым ускорить начало переговоров с Германией.

Вступление Италии в войну 10 июня не внесло существенного изменения в обстановку на Средиземном море, даже итальянский флот, на который в Лондоне поначалу поглядывали с опаской, оставался пассивным в первые недели войны. Стратегические коммуникации между Гибралтаром и Александрией не были прерваны. Основная причина такого состояния дел была в том, что итальянское руководство рассчитывало на скорую капитуляцию западных держав, чтобы без серьезных усилий овладеть их позициями на Средиземном море.

После прорыва линии фронта на Сомме и Эн 8—9 июня главной проблемой в англо-французских отношениях стал не вопрос стимулирования сопротивления Франции, а условия ее капитуляции и судьба ее флота и североафриканских владений. Правда, англичане несколько раз напомнили французам о соглашении 28 марта 1940 г., которое обязывало не вести сепаратных переговоров. Они говорили о необходимости продолжения борьбы даже в форме полупартизанской войны, чтобы «сохранить предмостные укрепления на атлантическом побережье, выиграть несколько месяцев и добиться американского вмешательства»⁸².

Однако сами британские лидеры знали, что все это говорилось в пропагандистских целях и для истории. Именно после совещания с Рейно 11 июня, где Черчилль говорил о «предмостном укреплении», англичане окончательно убедились, что Франция накануне краха. В тот же день предложения Хэнке от 27 мая были утверждены в качестве директивы Черчилля «Действия правительства Его Величества в случае военного крушения Франции»⁸³.

В Лондоне исходили из того, что немцы не согласятся на перемирие, пока французский флот не будет включен в условия капитуляции. И коль скоро Париж намерен пойти на перемирие, он не позволит своему флоту присоединиться к англичанам. Поэтому за основу действий были приняты два пути:

1. Попытаться убедить командиров кораблей примкнуть к британскому флоту. Однако английские стратеги резонно полагали, что шансы на такой исход крайне незначительны.
2. Заставить французов затопить весь свой флот. При этом предполагалось уничтожить военно-морские базы и в метрополии, и в Африке: Брест, Тулон, Касабланка, Дакар и др.⁸⁴

Таким образом, англичане еще до начала франко-германских переговоров, не зная условий перемирия, определенно склонялись к уничтожению флота недавнего союзника. 13 июня адмиралтейство подтвердило запрещение выпускать французские корабли из британских гаваней. Оно сообщило своим командующим, что, как только в Гибралтаре будут собраны необходимые силы, против

⁸² Г. М. Ратнани. Конец Третьей республики, с. 132.

⁸³ PRO, FO. 371/24383, C7074/5/18; The Diaries of Sir A. Cadogan, p. 297.

⁸⁴ PRO, CAB. 66/8, WP(40)201, 11. VI. 1940.

французского флота в Орне будут приняты решительные меры. А пока флот Каннингхэма получил приказ сторожить вход в Орне до прибытия специального соединения «Н». Когда французский офицер связи в Лондоне после вручения протеста Дарлана против задержания его кораблей в Александрии, Портсмуте и Плимуте спросил, будут ли суда расстреляны при попытке уйти, адмирал Паунд без колебаний ответил «Да»⁸⁵.

Такая решительность в подходе к этой довольно сложной проблеме, вероятно, объяснялась не только важностью вопроса о судьбе французского флота с точки зрения исхода борьбы на данном этапе войны. В Лондоне всегда помнили, что Франция, будучи союзником, в определенном смысле оставалась соперником английского империализма. Кроме того, как вынуждены были признать и Черчилль, и Галифакс, в тот момент приходилось думать не столько о разгроме Германии, сколько о сохранении целостности Британской империи. Поскольку Западная Европа практически стала вотчиной германских монополий, англичане были заинтересованы прежде всего в максимальном ослаблении Франции как будущего сателлита гитлеровцев и своего противника⁸⁶.

Правительство Англии не оставляло попыток добиться захвата французского флота. Во время встречи в Бриаре 11 июня Черчилль имел беседу с Дарланом и просил заверить в том, что его флот будет передан Англии. Затем Черчилль поставил вопрос о флоте и колониях в официальной беседе с французскими лидерами. Но ответом ему было молчание⁸⁷. Оно было столь же многозначительным, как и молчание британского премьера по вопросу о позиции Лондона в связи с близким выходом Франции из войны.

13 июня Черчилль в последний раз прибыл во Францию. Вероятно, он понимал, что теперь придется дать какой-то ответ на указанный вопрос, недаром он взял с собой Галифакса и Кадогана — опытных советников в деликатных делах. В беседе с Рейно в тот же день в Туре англичане впервые приоткрыли свои карты и намекнули, что если французы дадут гарантии относительно флота, Лондон согласится на сепаратный выход Франции из войны⁸⁸.

Важно подчеркнуть, что ни в Бриаре, ни в Туре англичане даже не ставили вопрос о продолжении борьбы Франции в Северной Африке. Тщательное изучение английских и французских источников показывает, что утверждение некоторых британских историков, что Лондон настаивал в тот период на переезде правительства Рейно в Северную Африку, не имеет под собой серьезных оснований.

⁸⁵ British Museum. Department of Manuscripts, ADD MS 52569, p. 81.

⁸⁶ Г. М. Ратнани делает подобный вывод о действиях англичан после создания правительства Петэна, но он правомерен, как мы видим, и для более раннего периода.

⁸⁷ P. Reynaud. *La France a sauvé l'Europe*, vol. 2, p. 306—307; A. Kammerer. *La tragédie de Mers el Kébir*. P., 1945, p. 14.

⁸⁸ Ш. де Голль. Военные мемуары, т. 1. М., 1957, с. 96—97.

Между тем позиция Англии и США относительно возможности и необходимости продолжения сопротивления Франции в Северной Африке приобретала все более важное значение. 10 июня Рейно в телеграмме в Вашингтон заявил о желании своего правительства, если это станет необходимым и неизбежным, продолжить борьбу из Алжира и Туниса. Независимо от подлинного намерения Рейно это заявление открывало для Вашингтона и Лондона возможность воздействия на Париж в этом направлении, но не одними обещаниями поставок оружия в неопределенном будущем, как это было сделано накануне в послании Рузвельта⁸⁹.

Такими реально доступными мерами воздействия могли стать срочная отправка в Северную Африку самолетов, оружия и боеприпасов из числа уже заказанных в США, а также готовность направить атлантический флот США в Средиземное море, о чем Рейно просил Рузвельта еще 29 мая. Эта просьба стала следствием любопытного, хотя и безуспешного обращения посла Буллитта к президенту использовать посылку американского флота к берегам южной Европы, чтобы привязать французские и английские ВМС к американским, «без чего невозможно обеспечить защиту США от германского нападения»⁹⁰.

Однако ни Лондон, ни Вашингтон не пожелали воспользоваться такой возможностью. Они опасались, что Германия не ограничится захватом французской метрополии, а немедленно вмешается в борьбу на Средиземном море и овладеет не только колониями Франции, но и британскими стратегическими позициями — Гибралтаром, Мальтой, Суэцким каналом. В таком случае Англия и США лишались важных подступов к Европе с юга, а впереди вставала угроза близкой германской агрессии на Ближний и Средний Восток. Поэтому западные державы, сохраняя видимость заинтересованности в продолжении борьбы Франции в Северной Африке, своими практическими действиями толкали Париж на путь капитуляции. Но при этом они стремились не допустить сохранения власти французского правительства над флотом и североафриканскими владениями, которые должны были в той или иной форме перейти под контроль Англии, чтобы удержать ее стратегические позиции в Средиземном море.

После обмена телеграммами между Лондоном, Вашингтоном и Парижем 14—15 июня англичане поняли, что капитуляция Франции — вопрос ближайших дней и следует спешить с овладением французским наследством. 15 июня на заседании военного кабинета Чемберлен внес предложение объединить английское и французское правительства. Форин Оффис подготовил послание в Бордо с предложением кабинету Рейно немедленно прибыть в Лон-

⁸⁹ Г. Н. Севостьянов, А. И. Уткин. США и Франция..., с. 55.

⁹⁰ FRUS, 1940, vol. 2, p. 453. Подробнее об этом см.: А. Г. Чевтаев. Борьба Англии и США за французский флот. — В сб.: Международные отношения в новейшее время, с. 116—118.

дон⁹¹. Но телеграмму не успели отправить: Кэмпбелл сообщил, что Рейно планирует разделить свой кабинет и одну часть отправить в Северную Африку. Черчилль решил воспользоваться этим для реализации своих замыслов, хотя едва ли верил в готовность французов выполнить это намерение. Он предложил помощь при переброске французских министров и части войск в Алжир⁹².

Однако англичане скоро поняли, что Рейно просто маневрировал и не собирался продолжать борьбу. Поэтому 16 июня Лондон дал свое согласие на сепаратный выход Франции из войны, но «только при условии, что в ожидании переговоров французский флот будет немедленно переведен в британские порты». Поначалу англичане устранились от участия в запросе условий перемирия, но через два часа в Париж пришла телеграмма, где говорилось о необходимости консультироваться с ними по этому вопросу⁹³.

Правительство Черчилля понимало, что такое согласие стоит немного и французские пораженцы почти готовы обратиться в Берлин без оглядки на Лондон. Накануне военный кабинет одобрил соображения адмиралтейства, которые исходили из того, что Париж, обратившись за условиями перемирия, постарается удержать или вернуть свои ВМС в пределы метрополии. Адмиралтейство предлагало срочно обратиться к морскому командованию Франции, чтобы склонить его к передаче флота англичанам. «Как бы ни сложилась политическая ситуация,— говорил Д. Паунд,— желательно направить линкоры «Ришелье» и «Жан-Бар» в Англию, а линейные крейсера в Гибралтар»⁹⁴. Это решение не отменяло ранее принятых предупредительных мер на случай необходимости потопления французского флота.

Английское правительство решило вернуться к идее Чемберлена о слиянии правительств. Французы не успели обсудить «жест доброй воли» Лондона, как посол Кэмпбелл забрал две предыдущие телеграммы и представил новое предложение: создать «нерушимую англо-французскую нацию» с единой конституцией, парламентом и единым военно-политическим руководством для ведения войны⁹⁵. Едва ли в Лондоне всерьез рассчитывали на принятие этого предложения, хотя на всякий случай руководящая группа английского кабинета — Черчилль, Галифакс, Эттли и Иден прибыла на вокзал Ватерлоо, чтобы отбыть в Бретань для встречи с французами⁹⁶.

Реальный смысл этого предложения, очевидно, состоял в том, чтобы побудить некоторых французских деятелей, прежде всего

⁹¹ The Diaries of Sir A. Cadogan, p. 299.

⁹² Ш. де Голль. Военные мемуары, т. 1, с. 101.

⁹³ PRO, CAB. 65/13, WM(40)168Cs, p. 314—315; L. D. Girard. Montoire. Verdun diplomatique. P., 1948, p. 64; A. Kammerer. La vérité sur l'Armistice. P., 1945, p. 130—131; P. Baudoin. Neuf mois au gouvernement. P., 1948, p. 182.

⁹⁴ PRO, CAB. 65/13, WM(40)167Cs(CA), p. 308—309.

⁹⁵ W. S. Churchill. The Second World War, vol. 2, p. 183—184.

⁹⁶ The Diaries of Sir A. Cadogan, p. 303.

Рейно и Дарлана, примкнуть к англичанам и увести за собой флот. Указанные выше соображения адмиралтейства по существу исходили из такого варианта⁹⁷. Однако французская верхушка не собиралась по доброй воле отдавать флот и североафриканскую империю англичанам, чтобы те использовали их «как разменную монету в переговорах с рейхом, черед которым наступит в свое время». Поэтому идея «нерасторжимого союза» была отвергнута правительством Франции без обсуждения. Более того, было подтверждено, что не может быть и речи об отводе флота и отказе от суверенитета над империей⁹⁸.

В чем причина колебания английского правительства, которое на протяжении двух дней трижды меняло тактическую линию в борьбе за французское наследство? Едва ли это можно объяснить только паникой в британской правящей верхушке или чрезмерным экспансионизмом Черчилля, хотя и то, и другое оказало свое влияние. Основная причина заключалась в том, что англичане допустили серьезные просчеты в определении расстановки сил французских верхов, причем каждый тактический поворот внутри последних вызывал поспешную, не слишком продуманную реакцию в Лондоне. Английское правительство переоценило твердость и решимость той малочисленной группы правящих кругов Франции, которая связывала сохранение своих позиций с продолжением борьбы на стороне Англии. Оно относилось к этой группе людей типа Бодеуэна и Дарлана, которые в действительности были махровыми пораженцами и капитулянтами, а Дарлан к тому же оказался ярым англофобом⁹⁹.

Вступление Италии в войну и обращение Франции за условиями перемирия означали крушение основ британской стратегии во всем бассейне Средиземного моря. Турция, даже не дождавшись подлинного юридического основания для отказа от выполнения своих союзных обязательств, каковым вскоре стал выход Франции из борьбы, объявила о сохранении нейтралитета в войне на Средиземном море. Правда, в качестве своеобразной компенсации Лондону турки сослались на особый протокол тройственного договора 19 октября 1939 г., который позволял Турции не вступать в войну на стороне западных держав, если это могло привести ее к вооруженному конфликту с Советским Союзом¹⁰⁰. Позиция Турции во многом предопределила провал британских замыслов развязывания войны на Балканах путем создания упомянутого ранее «общего балканского фронта».

⁹⁷ В литературе существуют расхождения относительно авторства идеи «неделимой нации». Вероятно она возникла в ходе дискуссии британских деятелей Л. Эмери, Р. Ванситарта и др. с «лондонскими французами» Ж. Монне, Р. Плевеном, А. Корбеном. Не исключено, что это была идея самого Черчилля, недаром его личный друг и секретарь Д. Мортон назван в числе авторов.— Р. М. Bell. *A Certain eventuality...*, p. 72.

⁹⁸ L. D. Girard. *Montoire...*, p. 66.

⁹⁹ FRUS, 1940, vol. 2, p. 465.

¹⁰⁰ DDI, ser. 9, vol. 4, N 20, 37.

Другим важным следствием краха британской военно-политической стратегии в Средиземном море стал вопрос о возможности пребывания английского флота в восточном бассейне моря. 17 июня адмиралтейство предложило военному кабинету перевести флот в Гибралтар, мотивируя это резко возросшей потребностью в кораблях, особенно линкорах, в Атлантике, а также значительно упавшим влиянием флота Каннингхэма на политическую ситуацию в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке ¹⁰¹.

Однако Форин Оффис и командование в Каире выступили против этой идеи. В подготовленном несколько ранее меморандуме «Перспективы на Средиземном море» отмечалось, что вывод флота позволит державам оси почти без борьбы овладеть всей Африкой и Юго-Восточной Европой. Англичане потеряют не только стратегические базы и острова — Мальту, Кипр, Крит, Суэцкий канал, но Палестину, Иорданию и, вероятно, Ирак в связи с неизбежным в таком случае переходом Турции под эгиду Германии ¹⁰².

Британское МИД очевидно несколько преувеличило значение своего флота как преграды германо-итальянской экспансии в этом районе. И все же дипломаты оказались ближе адмиралов к пониманию действительной роли средиземноморского флота Англии в качестве одной из важнейших опор британского военно-политического господства во всем обширном районе Балкан, Восточного Средиземноморья, Ближнего и Среднего Востока. Авторы меморандума пришли к выводу, что оставление британских позиций в Восточном Средиземноморье будет оправдано лишь в том случае, если альтернативой станет реальная угроза успешного вторжения гитлеровцев в Англию ¹⁰³.

Черчилль решительно поддержал мнение Форин Оффис и считал, что даже полная потеря англичанами позиций в западном бассейне и оставление Гибралтара не должны привести к автоматическому уходу из восточного бассейна моря. И все же комитет начальников штабов и военный кабинет приняли 18 июня «промежуточное» решение: пока оставить флот на месте, но вернуться к этому вопросу, «когда положение французского флота станет более ясным».

При этом подчеркивались особо тяжелые последствия ухода флота для получения ближневосточной нефти через сирийские нефтепроводы и Хайфу ¹⁰⁴.

¹⁰¹ PRO, CAB. 79/5, COS(40)183M, 17. VI. 1940. Одновременно Д. Паунд сообщил об этом предложении Каннингхэму в Александрию.

¹⁰² PRO, FO. 371/24903, R6605/5413/17. Эти соображения были поддержаны адмиралом Каннингхэмом в его телеграммах в Лондон. — См.: A. B. Cunningham. A Sailor's Odyssey, p. 241.

¹⁰³ «До тех пор, — говорилось в нем, — пока стратегические выгоды отвода флота не станут подавляющими, что в высшей степени маловероятно, эта идея должна быть отвергнута». — PRO, FO. 371/24903, R6605/5413/17.

¹⁰⁴ PRO, CAB. 79/5, COS(40)185M, 18. VI. 1940.

Уход в отставку кабинета Рейно и создание 16 июня правительства откровенных капитулянтов заставило Лондон действовать более решительно в борьбе за французский флот и колонии. Вплоть до 22 июня англичане при поддержке Вашингтона пытались вывести флот из-под контроля кабинета Петэна до подписания перемирия, а также подготовить почву для перехода североафриканских владений на сторону Англии. При этом они действовали в нескольких направлениях.

Первоначально преобладали обращения к ведущим членам нового французского правительства с целью получить твердое заверение, что флот не будет сдан противнику. Только 17 июня были сделаны три таких демарша, в том числе очень решительное по тону послание Черчилля Петэну и Вейгану¹⁰⁵. В тот же день Лондон получил не менее твердое обещание Петэна и Дарлана не передавать флот немцам. Однако они отклонили просьбу направить французские корабли в британские порты и умолчали о том, как они поведут себя в случае требований гитлеровцев о сдаче флота.

Большое значение придавалось личным контактам английских эмиссаров с французскими деятелями, в ходе которых Лондон с помощью некоторых видных министров кабинета Петэна добивался реализации все той же идеи перевода всего флота Франции в Северную Африку. Таков был смысл миссии в составе министра колоний лорда Ллойда, морского министра Александра и первого морского лорда Д. Паунда, которая находилась в Бордо 19—20 июня¹⁰⁶. Посчитав эту поездку успешной, англичане решили было тут же послать Ллойда в Северную Африку, вероятно, в расчете на скорое прибытие туда некоторых французских деятелей. Но этот визит не состоялся, так как никто из видных лидеров Третьей республики не прибыл в Алжир или Марокко. Правда, Кадоган называет в качестве причины отказа от посылки Ллойда разногласия в британском правительстве по поводу инструкций предполагаемой миссии, которые возникли в связи с подписанием франко-германского перемирия 22 июня¹⁰⁷. Но сами разногласия потому и возникли, что рухнули надежды на Бодуэна и Дарлана, и пришлось срочно обдумывать новые тактические ходы.

Третьим направлением в деятельности Лондона было поощрение французов в метрополии и колониях продолжать борьбу. 16 июня правительство одобрило доклад комитета начальников штабов о политической стратегии в отношении французских колоний. В нем предлагалось добиться от правительства Франции, чтобы оно рекомендовало североафриканской администрации продолжать сотрудничество с англичанами, каковы бы ни были условия перемирия. Однако больше надежд возлагалось на прямые

¹⁰⁵ The Diaries of Sir A. Cadogan, p. 303.

¹⁰⁶ The Diaries of Sir A. Cadogan, p. 304.

¹⁰⁷ Ibid., p. 306; PRO, CAB. 65/13, WM(40)176Cs, M5(CA), 22 June 1940.

контакты британских представителей с колониальными властями, в ходе которых Лондон обещал помощь для предотвращения оккупации французских владений¹⁰⁸. 18 июня английское правительство одобрило идею Ж. Монне огласить «декларацию о готовности оказать помощь Франции, если она продолжит сопротивление за пределами метрополии». В тот же день генерал де Голль впервые обратился по радио Би-Би-Си с призывом не принимать перемирия, а член французской миссии связи полковник Бонависта был направлен в Бордо, чтобы «убедить офицеров, летчиков и технических специалистов армии присоединиться к де Голлю»¹⁰⁹.

Правительство США в эти дни также предприняло некоторые шаги для воздействия на Петэна, но, как и англичане, получило от него лишь формальные заверения. Решающая для Вашингтона и Лондона гарантия нужного им решения вопроса — отправка французского флота либо в британские порты, либо в Западную Африку или Вест-Индию не была выполнена даже после угрожающей телеграммы правительства Рузвельта¹¹⁰.

Между тем германо-итальянские противоречия и тактика Берлина в определении условий перемирия оказали известное влияние на борьбу Лондона и правительства Бордо за наследство Третьей республики в бассейне Средиземного моря. 18—19 июня в Мюнхене произошла встреча Гитлера и Риббентропа с Чиано. Уже из первой беседы стало ясно, что гитлеровцы намерены предъявить Франции такие требования, которые не вызовут отказа от переговоров и переезда правительства Петэна в Англию или Алжир и позволят сохранить, по крайней мере, его формальный суверенитет над флотом и североафриканскими владениями. Но умеренность условий перемирия относительно ВМС и колоний была вынужденной, так как флот и владения в Северной Африке пока были вне сферы досягаемости гитлеровцев.

Одновременно «мягкость» условий капитуляции сравнительно с практической возможностью оккупации всей территории французской метрополии была своеобразным намеком английским мюнхенцам на то, что, если позже они пойдут на соглашение с Германией, с ними поступят столь же «великодушно»¹¹¹. В беседе с Чиано Риббентроп подтвердил, что «фюрер не хочет, как он публично заявил об этом, разрушения Британской империи. Он требует, чтобы Англия отказалась от некоторых из своих владений и признала свершившийся факт. При таком условии он готов пойти на соглашение»¹¹². Эта готовность Берлина договориться с Лон-

¹⁰⁸ PRO, CAB. 66/8, WP(40)207, p. 210—211; Les evenements survenus en France de 1933 a 1945. Documents sur la period 1936—1945, pt. 3. P., 1948, p. 417, 418.

¹⁰⁹ The Diaries of Sir A. Cadogan, p. 304; "The Times", 24. VI. 1940.

¹¹⁰ C. Hull. The Memoirs, vol. 1, p. 792—793.

¹¹¹ Г. Н. Севостьянов, А. И. Уткин. США и Франция., с. 64.

¹¹² Риббентроп добавил, что англичане извещены об этом через шведскую миссию в Лондоне.—Les Archives secretes du compte Ciano (1936—1942). P., 1948, p. 377.

доном летом 1940 г. была, разумеется, не окончательным решением «английского вопроса» в глобальных планах Гитлера, а только временным, промежуточным, которое развязало бы ему руки для нанесения главного удара по Советскому Союзу¹¹³.

Итальянские фашисты были вынуждены подчиниться диктату своего союзника и до подписания мирного договора с Францией отказались от оккупации левого берега Роны, Корсики, Туниса, Французского Сомали и создания военных баз в Алжире и Марокко, на чем первоначально настаивал Муссолини. По условиям франко-итальянского перемирия 24 июня Рим практически ничего не получил в Северной Африке, кроме демилитаризации ливийско-тунисской границы и портов Бизерты и Орана на время военных действий Италии против Англии. Не удивительно, что за видимой готовностью Муссолини принять германские требования скрывалось разочарование и недовольство партнером по оси¹¹⁴.

Как мы видели, английские планы по уничтожению французского флота исходили из посылки, что по условиям перемирия он будет выдан гитлеровцам. Однако 8-я статья говорила о «разоружении и демобилизации флота под наблюдением Германии и Италии». Основная его часть, особенно тяжелые корабли, подлежала возвращению в гавани метрополии, как правило, в порты приписки мирного времени, а большинство последних находилось на атлантическом побережье в руках немцев. И потому значительная часть флота фактически сразу попадала под их контроль. И все же в связи с сохранением власти правительства Петэна в южной зоне страны возникла видимость его суверенитета над флотом¹¹⁵.

Тактика Берлина вызвала некоторые разногласия в Лондоне. У части британских стратегов даже оживились надежды на присоединение Дарлана или других французских адмиралов к позиции Англии. Они питались тем, что в Бизерте была создана комиссия во главе с командующим средиземноморским флотом Франции адмиралом А. Эстева, которая должна была взять на себя верховное руководство флотом, если Дарлан не сможет выполнять свои функции¹¹⁶. Но Черчилль не строил иллюзий по поводу настроений петэновцев. На заседании военного кабинета в канун подписания перемирия он заявил, что в вопросе безопасности Британской империи нельзя полагаться на слово Дарлана. Он в полной мере понимал смысл приказа правительства Бордо:

¹¹³ В. И. Д а ш и ч е в. Банкротство стратегии германского фашизма, т. 1. М., 1973, с. 639.

¹¹⁴ Г. С. Ф и л а т о в. Крах итальянского фашизма, с. 153; Л. П. Л а в р о в. История одной капитуляции, с. 286—288, 297.

¹¹⁵ Чтобы усилить это впечатление, немцы изменили проект ст. 8 о передаче части французских ВМС Германии по мирному договору. В окончательном тексте говорилось, что Берлин «не намерен предъявлять требования относительно флота при заключении мира». — См.: PRO, CAB. 66/8, WP(40)217, p. 256; CAB. 66/9, WP(40)224, p. 22.

¹¹⁶ PRO, CAB. 65/13, WM(40)176Cs, M5(CA), p. 326.

флот никому не передавать, защищать военно-морские базы от любой угрозы и не принимать распоряжений других правительств ¹¹⁷.

Поначалу большинство военного кабинета склонилось на сторону адмиралтейства. Было решено снова обратиться к Дарлану с призывом либо направить корабли в Англию или США, либо затопить флот. Одновременно послать к Эстева уже известного лорда Ллойда и заместителя начальника морского штаба адмирала Филиппа, чтобы склонить того на сторону англичан и заполучить хотя бы четыре новейших корабля — два линкора и два линейных крейсера ¹¹⁸.

Разногласия и колебания, которые обнаружились 16—23 июня в военно-политическом руководстве Англии по поводу тактики Лондона во французском вопросе в целом, в средиземноморских делах, особенно в отношении французского наследства ¹¹⁹, в сущности были отражением глубокого, хотя и достаточно скрытого кризиса британской правящей верхушки, второго после прихода к власти правительства Черчилля. Его главным содержанием, как и в конце мая 1940 г., были разногласия группы премьер-министра и мюнхенцев относительно большой стратегии Лондона в Европе. Группа Чемберлена — Галифакса, весьма напуганная к тому же возможностью близкого вторжения немцев и полной неготовностью к его отражению, по-прежнему выступала за «разумное соглашение» с Германией. Учитывая это стремление и, вероятно, зная о кризисе в британском руководстве, гитлеровцы сообщили в Лондон через шведских дипломатов о своей готовности прийти к соглашению с Англией. Однако группировка Черчилля, опираясь на боевое настроение и решимость подавляющего большинства английского народа бороться до конца, преодолела колебания правящего класса и отвергла путь капитуляции.

После подписания перемирия клика Петэна ясно показала, что она не будет содействовать планам Лондона. 23 июня Дарлан предупредил своих адмиралов, что англичане, наверняка, попытаются овладеть флотом и колониями. Затем был отдан приказ подготовить все корабли к отплытию в США или затоплению в случае попытки противника или бывшего союзника захватить флот ¹²⁰. Этот факт, ставший известным англичанам благодаря знанию французского морского кода, помог британским властям преодолеть разногласия и колебания в замыслах против француз-

¹¹⁷ Ibid., p. 327.

¹¹⁸ Ibid., p. 328—329. Линкоры «Ришелье» и «Жан-Бар» находились в Дакаре и Касабланке, а линейные крейсера «Дюнкерк» и «Страсбург» в Ороне. В связи с приказом Дарлана о переводе этих судов в метрополию военный кабинет распорядился решительно воспрепятствовать этому.

¹¹⁹ К сказанному ранее следует добавить разногласия и острую полемику относительно степени поддержки де Голля с 18 по 28 июня 1940 г. — См.: The Diaries of Sir A. Cadogan, p. 304—308.

¹²⁰ У. Нимич, Ч. Поттер. Война на море. М., 1958, с. 46; W. Shire. The collapse of Third Republic. N. Y., 1970, p. 859—860.

ского флота. Возникшая было идея ультиматума в Бордо о выдаче флота была отклонена, так как она могла до конца раскрыть планы англичан и помешать их реализации. Вечером 24 июня военный кабинет в принципе одобрил операцию под названием «Катапульта», и адмиралтейство начало стягивать в Гибралтаре соединение «Н»¹²¹.

Правительство Черчилля все еще надеялось, что не только де Голль, но и кто-нибудь из более авторитетных деятелей Третьей республики провозгласит продолжение борьбы за пределами метрополии. Это оставляло возможность прибрать французский флот к рукам, не прибегая к его затоплению. 26 июня в Рабат прибыли английский министр информации Д. Купер и генерал Горт, чтобы склонить на свою сторону командующего военными силами Франции в Северной Африке генерала О. Ногеса, а также убедить Ж. Мандела, одного из немногих известных противников капитуляции, перебраться в Англию и возглавить сопротивление из империи¹²².

Однако эта миссия оказалась напрасной. Ногес отказался встретиться с британскими эмиссарами. В Лондоне явно переоценили его «сопротивленческие настроения», которые вытекали из опасения оккупации Северной Африки германо-итальянскими войсками. Как только стало ясно, что оно не подтвердилось, Ногес сообщил о своей верности Петэну и Вейгану¹²³. С Манделем также ничего не вышло. Местные власти не только помешали англичанам встретиться с ним, но арестовали его и расстроили план посылки британского эсминца в Касабланку с целью вывезти Мандела в Гибралтар¹²⁴.

Неудача с Ногесом и Манделем означала, что Лондон потерпел поражение в последней попытке одним ударом прибрать североафриканские владения Франции. В то же время это обеспечило победу линии Черчилля в борьбе за флот. 27 июня военный кабинет окончательно разрешил проведение операции «Катапульта», назначенной на 3 июля¹²⁵.

Англичане успешно осуществили свои замыслы. Французский адмирал Жансуль, командующий флотом в Мерс эль-Кебире, отклонил ультиматум английского адмирала Дж. Сомервилла о переходе на сторону Великобритании или затоплении своих кораблей. В результате перестрелки основная часть флота была выведена из строя, нескольким судам удалось прорваться в Тулон. В Александрии, где находилась небольшая французская эскадра,

¹²¹ PRO, CAB. 65/13, WM(40)180Cs, M2(CA).

¹²² PRO, CAB. 66/9, WP(40)225, p. 26. Выбором миссии Лондон внушал мысль о своей решимости продолжать борьбу: Купер был известен как твердый противник соглашения с Германией, а Горт был «героем Дюнкерка».

¹²³ PRO, CAB. 66/9, WP(40)225, p. 26; Les evenements survenus en France de 1933 a 1945. Documents, pt. 3, p. 420—424. Подробнее см.: А. Г. Чевтаев. Борьба Англии и США за французский флот, с. 123—126, 129.

¹²⁴ PRO, CAB. 66/9, WP(40)225, p. 26.

¹²⁵ PRO, CAB. 65/13, WM(40)184Cs, M5(CA), p. 353.

стороны договорились 4 июля о разоружении и консервации кораблей ¹²⁶.

Вывод французского флота из строя и ликвидация возможности для Германии превратить его в серьезную угрозу для Англии имели большое значение. Это особенно заметно в свете средиземноморской стратегии держав оси, которую Гитлер изложил 1 июля в беседе с итальянским послом Альфиери. Италии надлежало форсировать подготовку к активным действиям с целью овладения Египтом и островами Эгейского моря, что практически означало изгнание Англии из Восточного Средиземноморья. Чтобы иметь повод вмешиваться в дела этого района, фюрер предложил использовать немецкую бомбардировочную авиацию для взятия Суэцкого канала ¹²⁷.

В Берлине хорошо понимали, против кого прежде всего была направлена операция «Катапульта». 4 июля Гитлер отменил пункт 8-й статьи перемирия о разоружении французского флота. 8 июля после заключительной фазы операции — нанесения удара по линкору «Ришелье» в Дакаре гитлеровцы решили потребовать у правительства Петэна предоставления им баз в районе Орана и Касабланки ¹²⁸.

7—8 июля состоялись беседы германских руководителей с Чиано. Сам факт новой встречи спустя три недели после мюнхенского свидания диктаторов свидетельствует о том, что начало июля 1940 г. стало важной вехой в борьбе германо-итальянского блока с западными державами. Гитлеровцы не без умысла вводили своего партнера в заблуждение относительно главной цели своей большой стратегии в Европе. В то время как Риббентроп на вопрос Чиано, что Германия предпочитает сейчас в отношении Англии, ответил «Мир», Гитлер заявил итальянскому министру, что возможное мирное обращение к Лондону будет «жестом психологического и пропагандистского значения» ¹²⁹.

Вероятно, в Берлине полагали, что неопределенность германской позиции заставит Рим активнее действовать против Англии на Средиземном море. Впрочем, Гитлер прямо заявил Чиано о необходимости ускорить итальянские операции против Египта и настоятельно советовал подготовить планы захвата Крита, Родоса и Кипра. Чтобы усилить интерес итальянских фашистов к восточ-

¹²⁶ Подробнее см.: С. Роскилл. Флот и война, т. 1, с. 204—206; Д. ж. Батлер. Большая стратегия, с. 219—220; А. В. Cunningham. A Sailor's Odyssey, p. 247—253.

¹²⁷ W. Ansel. Hitler and the Middle Sea. Durham (Northern Caroline), 1972, p. 12—13; DDI, ser. 9, vol. 5, N 163. Совпадение по времени указанной беседы с оглашением в узком кругу гитлеровцев идеи «великодушного предложения англичанам о мире» свидетельствует, что даже в рамках «разумного соглашения» с английскими мюнхенцами Германия намеревалась изгнать Англию из восточного бассейна Средиземного моря.

¹²⁸ Ф. Гальдер. Военный дневник, т. 2. М., 1969, с. 31, 40; DDI, ser. 9, vol. 5, N 215.

¹²⁹ DDI, ser. 9, vol. 5, N 200.

носредиземноморским делам, гитлеровцы пытались изобразить некоторые акценты англо-советских контактов в начале июля 1940 г. как «стремление России к Босфору», которое якобы составляет опасность для Италии ¹³⁰.

На этой же встрече гитлеровцы дали понять Чиано, что, хотя Берлин признает «чисто итальянский характер средиземноморской проблемы», его реальная политика будет иной. Гитлер категорически отклонил предложение Муссолини о скорейшем заключении мира с правительством Петэна и ничего не ответил на пожелание итальянцев не позволить Франции из враждебной страны стать союзником оси ¹³¹. Стремление получить базы в Северной Африке означало, что гитлеровцы намеревались опередить своего младшего партнера в борьбе за ведущую роль в бассейне Средиземного моря.

Итак, анализ военно-политической борьбы ведущих империалистических держав в бассейне Средиземного моря с начала мая по начало июля 1940 г. позволяет сделать следующие выводы.

В результате поражения Англии и Франции в Западной Европе и распада их союза произошло крушение стратегического господства западных держав в Средиземноморье. Италия вступила в войну на стороне Германии, надеясь на легкую победу и утверждение своего решающего влияния в этом районе.

Попытки правительства Черчилля привлечь на свою сторону североафриканские владения Франции закончились полной неудачей. Но, разгромив французский средиземноморский флот, англичане помешали гитлеровцам использовать его против себя в ближайшее время и тем самым устранили угрозу своего полного изгнания из этого района.

Этот успех позволил Лондону сохранить наиболее важные позиции — Гибралтар, Мальту, Суэцкий канал и способность своего флота поддерживать стратегические коммуникации между западным и восточным выходами из моря. Однако соотношение сил между британским империализмом и державами оси, возникшее к началу июля 1940 г., было довольно сложным и весьма неустойчивым. Несмотря на соперничество фашистских партнеров в средиземноморских вопросах, реальная угроза английским позициям в бассейне Средиземного моря не была устранена.

¹³⁰ Ф. Гальдер. Военный дневник, т. 2, с. 47—48; W. Ansel. Hitler and the Middle Sea, p. 13.

¹³¹ DGFP, ser. D, vol. 10, N 129.